

Николай
Мерехов

СУДЬБА ГЕНИЯ: ИСТОКИ И ИСКАНИЯ

К 195-летию Л. Н. Толстого

Эссе

О Льве Толстом написано много. Зачастую много повторяющегося, восхваляющего и несправедливого. Изучая дневники писателя, отзывы о нем современников, невольно задумываешься о самой природе гения, о том, что мешало его формированию с молодых лет, а что способствовало. Рискую высказать свои предположения, догадки и размышления, не настаивая на их безусловности. Пусть выводы делает читатель.

В НАЧАЛЕ ДНЕЙ

Лев Николаевич Толстой родился 28 августа (9 сентября) 1828 года, умер 7 ноября (20 ноября) 1910 года.

Мать, Мария Николаевна Толстая (Волконская), родилась 10 ноября 1790 года, умерла 4 августа 1830 года.

Отец, Толстой Николай Ильич, родился 26 июня 1794 года, умер 21 июля 1837 года.

9 июля 1822 года состоялась свадьба княжны Марии Николаевны Волконской и графа Николая Ильича Толстого.

Лев Толстой. «Воспоминания»:

«Брак её с моим отцом был устроен родными её и моего отца. Она была богатая, уже не первой молодости сирота, отец же был весёлый, блестящий молодой человек с именем и связями, но с очень расстроенным (до такой степени расстроенным, что отец даже отказался от наследства) моим дедом Толстым состоянием».

Брак был по расчету, но прожили они хотя и не долго, но счастливо.

Из «Воспоминаний»:

«Мать моя была нехороша собой и очень хорошо образована для своего времени. Она знала, кроме русского, – которым она, противно принятой тогда русской безграмотности, писала правильно, – четыре языка: французский, немецкий, английский и итальянский, – и должна была быть чутка к искусству, она хорошо играла на фортепьяно, и сверстницы её рассказывали мне, что она была большая мастерица рассказывать завлекательные сказки, выдумывая их по мере рассказа. Самое же дорогое качество её было то, что она, по рассказам прислуги, была хотя и вспыльчива, но сдержанна. “Вся покраснеет, даже заплачет, – рассказывала мне её горничная, – но никогда не скажет грубого слова.” Она и не знала их».

Толстой был очень похож на мать: такой же некрасивый и такой же способный к иностранным языкам, возможно, унаследовал от неё и другие таланты.

Толстому часто говорили в детстве: «ты некрасивый, но ты умный и добрый».

Интересно прочитать воспоминание Толстого об отце:

«Помню, раз в середине пасьянса и чтения отец останавливает читающую тетушку, указывает в зеркало и шепчет что-то.

Мы все смотрим туда же.

Это официант Тихон, зная, что отец в гостинной, идет к нему в кабинет брать его табак из большой складывающейся розанчиком кожаной табачницы. Отец видит его в зеркало и смеется на его на цыпочках осторожно шагающую фигуру.

Тетушки смеются. Бабушка долго не понимает, а когда понимает – радостно улыбается. Я восхищаюсь добротой отца и, прощаясь с ним, с особенной нежностью целую его белую жилистую руку.

Я очень любил отца, но не знал еще, как сильна была эта моя любовь к нему, до тех пор, пока он не умер».

Когда умерла мать, Льву было почти два года.

До двух лет мышление и речь развиваются раздельно друг от друга и поэтому чувство любви к матери и горе от её потери остались у Толстого в глубинах бессознательного.

Потерю материнской любви двухлетний карапуз бессознательно хочет заменить любовью чужих, посторонних людей. Непроизвольно у него зарождается тщеславие.

Из «Воспоминаний»:

«Бывает за обедом и еще удовольствие, когда на меня обращают внимание и выставляют перед публикой мое искусство составлять шарады.

– Ну-ка, Левка-пузырь (меня так звали, я был очень толстый ребенок), отличись новой шарадой! – говорит отец.

И я отличаюсь шарадой в таком роде: мое первое – буква, второе – птица, а все – маленький домик. Это б – утка – будка. Пока я говорю, на меня смотрят и улыбаются, и я знаю, чувствую, что эти улыбки не значат то, что есть что-нибудь смешного во мне или моих речах, а значит то, что смотрящие на меня любят меня. Я чувствую это, и мне восторженно радостно на душе».

Сам от горшка два вершка, а тщеславия уже выше крыши. Отец не знает, что тщеславие, зародившееся в два года из-за его потаканий, разовьётся до гипертрофированных размеров. В будущем тщеславие принесёт Льву Толстому много неприятностей и душевных страданий.

Когда Льву было почти девять лет, умер отец, а ещё через год умерла бабушка, мать отца. 30 августа 1841 года умерла Александра Ильинична Остен-Сакен, сестра отца, которая после смерти своего брата была опекуницей несовершеннолетних детей. Опекуницей стала другая родная сестра отца, Пелагея Ильинична Юшкова, и дети переехали в Казань.

Для детей Николая Ильича столько смертей – это неизлечимая психологическая травма. После такого ребёнок вряд ли сможет глупо радоваться жизни.

Павел Бирюков. Биография Льва Толстого:

«Смерть отца была одним из самых сильных впечатлений детства Льва Николаевича. Лев Николаевич говорил, что смерть эта в первый раз вызвала в нем чувство религиозного ужаса перед вопросами жизни и смерти».

Там же.

«Смерть бабушки была для Льва Николаевича новым напоминанием о религиозном значении жизни и смерти. Разумеется, бессознательно, но влияние это было, и очень сильное».

После стольких смертей трудно представить, что дети Николая Ильича не думали о смерти, о жизненном предназначении и прочей философской дребедени.

Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год:

«С отроческих лет одним из самых излюбленных занятий Льва сделалось размышление, почему он и заслужил у своих знакомых прозвище Философ. Он очень любил предаваться самоанализу, разбираться в самой глубине своих мыслей и чувств».

«Философские размышления отразились и на образе жизни юного мыслителя. Он перестал обращать внимание на свою внешность... Ходил в туфлях на босу ногу, сшил себе придуманного им самим покроя парусиновый халат... Как вспоминала сестра Толстого, однажды в это лето в Ясную Поляну приехали какие-то барышни. Послали за Львом... Он явился в своём халате и в туфлях на босу ногу, и когда тётушка Татьяна Александровна стала выговаривать ему за его неприличный костюм, он с жаром и даже с некоторым раздражением начал ей и всем гостям доказывать условности всяких “приличий”, нисколько не конфузясь своего странного наряда. ...

Лев Николаевич старался быть похожим на Диогена, как он это сам рассказывал». Для сравнения приведём другой отрывок.

Бирюков Павел. Биография Льва Толстого:

«Настроение Льва Николаевича во время этой поездки (Лев Николаевич ехал с братом на Кавказ), как он рассказывал мне, продолжало быть самое глупое, светское. Он рассказывал, как именно в Казани брат заставил его почувствовать его глупость. Они шли по городу, когда мимо них проехал какой-то господин на долгуше, опершись руками без перчаток на палку, упертую в подножку.

– Как видно, что этот господин какая-то дрянь, – сказал Лев Николаевич, обращаясь к брату.

– Отчего? – спросил Николай Николаевич.

– А без перчаток.

– Так отчего же дрянь, если без перчаток? – со своей чуть заметной, ласковой, умной, насмешливой улыбкой спросил Николай Николаевич».

Тоже из Бирюкова о той же поездке:

«Николай находит, что я очень приятный спутник, если бы не моя опрятность. Он сердится на то, что я, как он говорит, 12 раз в день меняю белье. Я нахожу, что он тоже очень приятный спутник, если бы не его неопрятность. Не знаю, кто из нас прав».

Лев Николаевич хотел стать человеком комильфо, но ему пришлось от этой затеи отказаться, так как в светском обществе он чувствовал себя неуютно.

Из воспоминаний Шелгуновой:

«Способ мой интриговать так нравился Тургеневу, что он просил меня не только заинтриговать, но и непременно завертеть молодого писателя графа Л. Н. Толстого».

«Но всё моё искусство говорить, вся моя болтовня не привели ни к чему. Я не могла заинтересовать своего собеседника и очень скоро вернулась к Тургеневу и сказала ему, что чары мои бессильны, что это какой-то волчонок».

Человек комильфо может и не быть дамским угодником, но поддержать светскую беседу с дамой он обязан. Обязан оказывать женщинам внимание, говорить комплименты, возможно, слегка флиртовать.

Конечно, флирт – это лживая, лицемерная, легкомысленная игра между мужчиной и женщиной, а Толстому как человеку правдивому совесть не позволяла

вступать с женщинами из общества в такие отношения. Толстой полагал, что если у него будут завязываться какие-либо отношения с девушкой, то они должны быть серьёзными и вести к браку. Просто так болтать с женщинами о пустяках он не умел, и самое главное, как он сам писал: «он конфузился».

«Во время классов, – рассказывает Толстой, – я любил садиться под окном, которое выходило на улицу, с тупым вниманием и без всякой мысли всматриваешься во всех проходящих и проезжающих на улице. Чем меньше было мыслей, тем живее и быстрее действовало воображение.

Каждое новое лицо возбуждало новый образ и воображение, и эти образы без связи, но как-то поэтически путались в моей голове. И мне было приятно».

Толстой, сам не понимая этого, развивал в себе художественное воображение.

«Я помню из своего детства это мучительнейшее чувство, когда меня заставляли учиться, а мне хотелось или своё что-нибудь думать, или отдохнуть».

Желание думать о своём у Толстого было гораздо сильнее, чем желание заниматься скучными уроками.

Возможно, это и к лучшему, что он не хотел заниматься скучными уроками.

Павел Бирюков. Биография Льва Толстого:

«Не помню уже за что, – говорит Лев Николаевич в своих воспоминаниях, – но за что-то самое не заслуживающее наказания St.-Thomas, во-первых, запер меня в комнате, а потом угрожал розгой. И я испытал ужасное чувство негодования, возмущения и отвращения не только к Thomas, но и к тому насилию, которое он хотел употребить надо мной. Едва ли этот случай не был причиной того ужаса и отвращения перед всякого рода насилием, которое испытываю всю свою жизнь».

Толстой писал в «Отрочестве», что француз-гувернёр «приказывал становиться на колени лицом к себе и просить прощения. Наказание состояло в унижении».

Лев отказался просить прощения, даже когда его попросила об этом бабушка: он разрыдался, возможно, впал в истерику. Наверное, по совету бабушки француз махнул на Льва рукой и почти не занимался с ним. Взрослые, наверное, и другим учителям говорили, чтобы те не были слишком требовательны ко Льву.

Любое образование, даже самое лучшее, приводит к ригидности, жёсткости мышления. Любое заучивание школьного материала есть разновидность зубрёжки, и, как следствие, теряется гибкость мышления. Поэтому у троечников более гибкое мышление, чем у отличников.

Весь процесс образования направлен на запоминание, и нет таких методик, по которым понимание ставилось бы выше запоминания.

Это хорошо, что мозг Толстого с детства насильственно не загружался пусть даже нужной информацией. Образное и логическое мышление, не напрягаясь, работало в своё удовольствие. Поэтому он до глубокой старости не потерял интереса к поиску новых знаний.

Есть мнение, что некоторые люди уже рождаются ленивыми. С другой стороны, помещику-аристократу, за которого всё делают слуги, трудно с рождения не стать ленивым. Когда опекуницей стала Юшкова, она подарила Сергею, Дмитрию и Льву крепостных мальчиков, которые, по её мнению, должны были стать им верными слугами.

А может, стал ленивым, оттого что было слишком развито воображение, которое не хотело заниматься рутинными занятиями, и когда надо было заниматься рутинными занятиями, воображение заставляло организм вырабатывать гормоны лени и апатии, чтобы он бросил рутинные занятия и снова предоставил воображению свободный полёт мыслей и чувств.

Аристократу не обязательно было быть хорошо образованным: достаточно было безукоризненно владеть французским языком и иметь хорошие манеры. Многие аристократы знали русский язык гораздо хуже, чем французский.

Остальные братья учились хорошо.

В 1843 году Сергей и Дмитрий поступили на математический факультет Казанского университета, на котором учился их старший брат Николай.

Все три брата Льва Толстого закончили университет.

Математику Лев Николаевич любил, но давалась она ему трудно, поэтому он выбрал факультет восточных языков. Решил стать дипломатом.

Два с половиной года готовился к поступлению в университет. Восточными языками занимался под руководством преподавателей: историю и географию изучал, по всей видимости, самостоятельно.

Гусев Н. Н. Материалы с 1828 по 1855 год:

«Гораздо интереснее, чем скучное заучивание сухих учебников, было для юного Толстого самостоятельное чтение... Сю, Дюма и Поль де Кока».

Действительно, чтение Сю, Дюма было гораздо полезней для Толстого, чем заучивание сухих учебников.

Павел Бирюков. Биография Льва Толстого:

«Вот отметки, полученные графом Львом Толстым на вступительном экзамене: Закон Божий 4

История общая и русская 1 “Ничего не знал”. Примеч. Л. Н. Толстого.

Статистика и география 1 “Еще меньше. Помню, вопрос был: Франция. Присутствовал Мусин-Пушкин, попечитель, и опрашивал меня. Он был знакомый нашего дома и, очевидно, хотел выручить: «Ну, скажите, какие приморские города во Франции?» Я ни одного не мог назвать”. Примеч. Л. Н. Толстого.

Математика 4

Русская словесность 4

Логика 4

Латинский язык 2

Французский язык 5+

Немецкий язык 5

Арабский 5

Турецко-татарский 5

Английский язык 4».

В 1844 году Толстой с грехом пополам, то есть после осенней переэкзаменовки, поступил в Казанский университет.

Учился плохо: очень часто пропускал лекции.

«Гениальные люди оттого неспособны учиться в молодости, что они бессознательно предчувствуют, что знать надо иначе, чем масса: история».

Если общепризнанными гениями за всю историю человечества насчитывается 400-500 человек, то это те люди, которым счастливая судьба позволила стать гениями.

Миллионы детей с задатками гениев вообще не получали образования. Другие миллионы детей с задатками гениев попадали в мясорубку образования, которая безжалостно калечила их нравственно, физически и интеллектуально.

Д. И. Писарев в статье «Погибшие и погибающие» пишет: «Я намерен сопоставить русскую школу с русским острогом. Результаты получатся неожиданные и довольно поучительные». Он сравнивает «Очерки бурсь» Помяловского и «Записки из Мёртвого дома» Достоевского. И приходит к мысли, что на каторге жить лучше, чем в бурсе.

В европейских странах образование было такое же: зубрёжка, телесные наказания.

Даже привилегированные классы учили своих детей из рук вон плохо и поэтому выдали такое мизерное количество гениев, а гениальных представителей плебса совсем единицы. Можно сказать, что гении – это ничтожное количество детей с гениальными задатками, которых не изуродовало образование и воспитание.

ЧЕЛОВЕКОМ-КОМИЛЬФО НЕ СТАЛ

В зрелости Лев Толстой хотел найти француза-гувернёра: наверное, затем, чтобы поблагодарить его за то, что он не злоупотреблял правами учителя и при обучении относился к нему снисходительно.

По поводу истории.

Бирюков Павел. Биография Л. Н. Толстого (том 1, часть 1):

«Помню, – говорит Назарьев, – заметив, что я читаю “Демона” Лермонтова, Толстой иронически отнесся к стихам вообще, а потом, обратившись к лежащей возле меня истории Карамзина, напустился на историю, как на самый скучный и чуть ли не бесполезный предмет.

– История, – рубил он сплеча, – это не что иное, как собрание басен и бесполезных мелочей, пересыпанных массой ненужных цифр и собственных имен. Смерть Игоря, змея, ужалившая Олега, – что же это, как не сказки, и кому нужно знать, что второй брак Иоанна на дочери Темрюка совершился 21 августа 1563 года, а четвертый, на Анне Алексеевне Колтовской, в 1572 году, а ведь от меня требуют, чтобы я задолбил все это, а не знаю, так ставят единицу. А как пишется история? Все пригоняется к известной мерке, измышленной историком. Грозный царь, о котором в настоящее время читает профессор Иванов, вдруг с 1560 года из добродетельного и мудрого превращается в бессмысленного, свирепого тирана. Как и почему, об этом уже не спрашивайте...»

Из дневника:

«14 апреля 1852 года. [Кизляр.] Проснулся в 7 часов, поехал охотиться, ничего не затравил, в 12 часов приехал в Кизляр. ... Читал Стерна. Восхитительно. ... Читал “Историю Англии”, и не без удовольствия. Я начинаю любить историю и понимать ее пользу. Это в 24 года; вот что значит дурное воспитание! Боюсь, что это будет ненадолго. Ложусь спать, 9 часов».

Если бы его в детстве из-под палки заставляли учить историю, то он эту историю возненавидел бы, и не было бы «Войны и мира».

«...Работа с “Наказом” Екатерины Второй и “Духом законов” Монтескье открыла мне новую область умственного самостоятельного труда, а университет с своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей».

Его увлекла эта работа, и ничто не мешало заниматься этой работой, так как он лежал в больнице. Это как в детстве, когда думал о своём.

После того как Лев Николаевич получил наследство: он сразу оставил университет и поехал в Ясную Поляну, которую получил при разделе наследства.

Из дневника:

«17 апреля 1847 года. ...Теперь я спрашиваю. Какая будет цель моей жизни в деревне в продолжение двух лет? 1) Изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в университете. 2) Изучить практическую медицину и часть теоретической. 3) Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский. 4) Изучить сельское хозяйство, как теоретическое, так и практическое. 5) Изучить историю, географию и статистику. 6) Изучить

математику, гимназический курс. 7) Написать диссертацию. 8) Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи. 9) Написать правила. 10) Получить некоторые познания в естественных науках. 11) Составить сочинения из всех предметов, которые буду изучать».

На кой ляд ему медицина, сельское хозяйство, музыка, живопись, если он собирается поступать на юридический факультет. Возможно, Толстой занимался в это время сельским хозяйством, музыкой, живописью; а может, занимался очень важным занятием для себя – чтением книг, но к вступительным экзаменам не подготавливался. Всему виною лень. Лень почему-то появляется тогда, когда начинаешь заниматься необходимым, нужным делом, и совершенно отсутствует, когда занимаешься ненужными делами или развлечениями.

В 1849 году Толстой приехал поступать в Петербургский университет: сдаёт в конце апреля успешно два экзамена, но в мае забирает документы. Некоторые считают, что Толстой испугался ареста петрашевцев, который произошёл в ночь с 22 на 23 апреля. Некоторые знакомые Толстого были связаны с петрашевцами.

Лев Толстой. «Воспитание и образование»:

«Как скоро существуют экзамены с их настоящим устройством, переводные или выпускные – это все равно, непременно должно существовать и бессмысленное долбление, и лотерея, и личное расположение, и произвол профессора, и обман студентов. ...я держал экзамен на кандидата в Петербургском университете и буквально ничего не знал, и буквально начал готовиться за неделю до экзамена. Я не спал ночи и получил кандидатские баллы из гражданского и уголовного права, готовясь из каждого предмета не более недели».

Статья была написана в 1862 году, но мысль о бессмысленном долблении могла прийти в светлую голову Льва Николаевича и в 1849 году после двух экзаменов с бессонными ночами. Представил себе, каким он будет после окончания университета задолбанным и отупевшим, и сразу передумал учиться. Если бы у него не пропало желание учиться в университете, то он на следующий год или позже пробовал бы поступать в университет. Возможно, ничего он не думал, а скрутила его лень по рукам и ногам и не пустила на третий экзамен.

Многие желания возникают спонтанно: без всяких доводов и обоснований.

Бирюков Павел. Биография Л. Н. Толстого (том 1, часть 1):

«Я выдержал даже два экзамена по уголовному праву, но затем все мои благие намерения совершенно рухнули. Наступила весна, и прелесть деревенской жизни снова потянула меня в имение».

Предполагают, что дневники 1848 и 1849 годов были уничтожены Толстым.

Из дневника:

«17 июня 1850 года. ...Записки. Зиму третьего года я жил в Москве, жил очень безалаберно, без службы, без занятий, без цели; и жил так не потому, что, как говорят и пишут многие, в Москве все так живут, а просто потому, что такого рода жизнь мне нравилась. Частью же располагает к лени и положение молодого человека в московском свете. Я говорю: молодого человека, соединяющего в себе некоторые условия; а именно, образование, хорошее имя и тысяч десять или двадцать дохода. Молодого человека, соединяющего эти условия, жизнь самая приятная и совершенно беспечная, ежели он не служит (то есть серьезно), а просто числится и любит полениваться. Все гостиные открыты для него, на каждую невесту он имеет право иметь виды; нет ни одного молодого человека, который бы в общем мнении света стоял выше его».

Богатые бездельники часто хотят получать от жизни только удовольствия, но в конце концов приходят к осознанию своего бессмысленного существования.

Чем больше человек стремится к удовольствию, тем меньше он его получает.

Бирюков Павел. Биография Льва Толстого:

«Затем, до своего отъезда на Кавказ в 1851 году, Лев Николаевич проводит время частью в Москве, частью в Ясной Поляне. Вот тут-то период аскетизма, а потом кутежей, охоты, карт, цыган».

Карты, цыгане, кутежи: водоворот, в который попадал практически каждый богатый бездельник.

5 декабря 1850 года Толстой приехал в Москву, а 7-го писал Т. А. Ергольской: «1850 г. Декабря 7. Москва».

...Сергей Колошин не женат, как были о том слухи, но он остепенился и много работает над переводами романов для журналов и пишет повести, которые печатаются. Я не читал ничего из написанного им, но говорят, что он очень талантлив, и что его маленькие вещицы очень милы. По крайней мере, он честно зарабатывает свой хлеб и зарабатывает его больше, чем приносят 300 душ крестьян».

Из дневника:

«1850. 8 декабря. Москва. Пять дней писал я дневник, а пять месяцев в руки не брал. Постараюсь вспомнить, что я делал в это время и почему я так отстал видимо от занятий. Большой переворот сделался во мне в это время; спокойная жизнь в деревне, прежние глупости и необходимость заниматься своими делами принесли свой плод. Перестал я делать испанские замки и планы, для исполнения которых не достанет никаких сил человеческих. Главное же и самое благоприятное для этой перемены убеждений то, что я не надеюсь больше одним своим рассудком дойти до чего-либо и не презираю больше форм, принятых всеми людьми. Прежде все, что обыкновенно, мне казалось недостойным меня; теперь же, напротив, я почти никакого убеждения не признаю хорошим и справедливым до тех пор, пока не вижу приложения и исполнения на деле оно и приложения многими. Странно, как мог я пренебрегать тем, что составляет главное преимущество человека, – способностью понимать убеждения других и видеть на других исполнения на деле. Как мог я дать ход своему рассудку без всякой проверки, без всякого приложения? Одним словом, и самым простым, я перебесился и постарел».

Много содействовало этой перемене мое самолюбие. Пустившись в жизнь разгульную, я заметил, что люди, стоявшие ниже меня всем, в этой сфере были гораздо выше меня; мне стало больно, и я убедился, что это не мое назначение. Может быть, содействовали этому тоже два толчка. Первое – проигрыш Огареву, который приводил мои дела в совершенное расстройство, так что даже, казалось, не было надежды поправить их; и после этого пожар, который заставил невольно меня действовать. Отыгрыш дал же более веселый цвет этим действиям. Одно мне кажется, что я стал уже слишком холоден. Только изредка, в особенности когда я ложусь спать, находят на меня минуты, где чувство просится наружу; то же в минуты пьянства; но я дал себе слово *не напиваться*. Записки свои продолжать теперь не буду, потому что занят делами в Москве, ежели же будет свободное время, напишу повесть из цыганского быта.

Заметил в себе я еще важную перемену: я стал более уверен в себе, то есть перестал конфузиться; я полагаю, что это оттого, что имею одну цель в виду (интерес), и, стремясь к ней, я мог себя оценивать и приобрел сознание своего достоинства, которое так много облегчает отношения людей».

Тщеславие – это мощное направляющее в жизни человека. Цель тщеславия – достижение славы. Всё, что не работает на эту цель, а тем более мешает, тщеславию отбрасывается.

Даже в физиологических потребностях человек становится неприхотливым.

Тщеславие, видя, что Толстой не добьётся никаких успехов в разгульной жизни, заставило бросить его это аморальное поведение.

Сергей Колошин – брат Сонечки Колошиной, в которую в детстве был влюблён Лев Николаевич. Лев Николаевич, наверно, подумал, что если Серёжа пишет, то мне тем более раз плюнуть что-нибудь написать.

Толстого поразило, что можно заработать очень хорошие деньги, практически ничего не делая. Со стороны писательский труд это в какой-то степени разновидность безделья. Толстой, конечно, не подозревает, насколько тяжёл будет для него этот писательский хомут.

С 11 по 21 декабря 1850 года пишет в дневнике через день, а то и каждый день: «надо писать», «писать повесть», «заняться писанием».

Так скромно и незаметно Лев Толстой вошёл в литературу.

О ЛЮБВИ К СЛАВЕ

29 апреля 1851 года Лев Толстой отправился с братом на Северный Кавказ в станицу Старогладковскую, где служил Николай Николаевич. В дневнике 30 мая 1851 года Толстой записывает: «Как я сюда попал? Не знаю. Зачем? Тоже». Запись 7 июля 1854 года: «...наконец изгнавший себя на Кавказ, чтоб бежать от долгов и, главное, привычек...»

На Кавказе Толстой пишет «Детство», которое начал, возможно, в Москве.

Из дневника:

«6 апреля 1851 года. Хочу писать проповеди».

Недаром говорят, что пока гром не грянет – мужик не перекрестится. На Кавказе была война и гремели пушки, поэтому Толстому пришлось поневоле поверить в бога.

«17 апреля 1851 года. Ничего не писал – лень одолела!!»

Это написано ещё в Москве, но наличие у себя лени Лев Николаевич часто упоминает в дневниках. Толстой полагает, что с ленью не так уж и сложно бороться. Все свои усилия он направляет на борьбу с другими страстями.

Из дневника:

«20 марта 1852 года. Сколько я мог изучить себя, мне кажется, что во мне преобладают три дурные страсти: игра, сладострастие и тщеславие».

Страсть к азартным играм Толстой не сразу, но преодолел. С физиологией бороться глупо. Ни гимнастика, ни сочинения, ни молитвы к богу эту страсть не задушат.

Из дневника:

«20 марта 1852 года. Тщеславие есть страсть непонятная – одно из тех зол, которыми, как повальными болезнями – голодом, саранчой, войной – провидение казнит людей. Источников этой страсти нельзя открыть; но причины, развивающие ее, суть: бездействие, роскошь, отсутствие забот и лишений».

Это какая-то моральная болезнь вроде проказы, – она не разрушает одной части, но уродует все, – она понемногу и незаметно закрадывается и потом развивается во всем организме; нет ни одного проявления, которое бы она не заразила, – она как венерическая: ежели изгоняется из одной части, с большей силой проявляется в другой. Тщеславный человек не знает ни истинной радости, ни горя, ни любви, ни страху, ни отчаяния, ни ненависти – все неестественно, насильственно. Тщеславие есть какая-то незрелая любовь к славе, какое-то самолюбие, перенесенное в мнение других – он любит себя не таким, каким он есть, а каким он показывается другим. Эта страсть чрезвычайно развита в наш век, над ней смеются; но ее не осуждают;

потому что она не вредна для других. Но зато для человека, одержимого ей, она хуже всех других страстей – она отравляет все существование. Исключительная черта этой страсти, общая проказе, есть чрезвычайная прилипчивость. Мне кажется, однако, что, рассуждая об этом, я открыл источник этой страсти – это любовь к славе.

Я много пострадал от этой страсти – она испортила мне лучшие года моей жизни и навек унесла от меня всю свежесть, смелость, веселость и предприимчивость молодости. ... Не могу сказать, чтобы страсть эта была совершенно уничтожена; потому что часто я жалею о наслаждениях, которые она мне доставляла, но, по крайней мере, я понял жизнь без нее и приобрел привычку удалять ее. Я только недавно испытал в первый раз после детства чистые наслаждения молитвы и любви. Еще по дневнику по моему прошлой зимой видно, что я хотел истребить эту страсть; но я нападаю только на те проявления, которые были мне неприятны, не поняв того, что ее нужно выдернуть с корнем, чтоб от нее избавиться. Мне кажется, что теперь я это сделал; но еще имею наклонность к ней и поэтому должен остерегаться новой заразы».

Конечно, Лев Николаевич понял, что тщеславие нужно выдернуть с корнем, но не учел, что корень тщеславия сидит в литературной деятельности. Надо было бросить литературу, вернуться в деревню и заняться сельским хозяйством и школами. Впрочем, тщеславие захотело бы проявиться в любой деятельности. Занялся бы сельским хозяйством – стал бы великим агрономом.

Из дневника:

«20 марта 1852 года. Я давно не был так весел, как сегодня, это потому, что занимался. Сколько выгод, кажется, в труде; а в лени ни пользы, ни удовольствия, и все-таки она большей частью берет верх».

До двадцати двух лет не ударил палец о палец, то странно было бы, если бы лень не брала верх.

«30 марта 1852 года... Нужно работать поусерднее; а то я начинаю лениться».

«18 мая 1852 года. Встал рано, писал “Детство”, оно мне опротивело до крайности, но буду продолжать».

«23 мая 1852 года... “Детство” кажется мне не совсем скверным. Ежели бы достало терпенья переписать его четвертый раз, вышло бы даже хорошо».

2 июля 1852 года Толстой закончил «Детство» и отправил рукопись в редакцию «Современника».

Из дневника.

«30 сентября 1852 года. Нездоровится, нога и скулы ломят. Писал немного, ездил на охоту. Получил письмо от Некрасова – похвалы, но не деньги».

Толстой очень ждал денег, но Некрасов написал ему, что первую публикацию они не оплачивают.

«11 декабря 1852 года. Был на смотре у Левина. Ездил верхом. Решительно со-вместно мне заниматься такими глупостями, как мои рассказы, когда у меня начата такая чудная вещь, как “Роман помещика”. Зачем деньги, дурацкая литературная известность. Лучше с убеждением и увлечением писать хорошую и полезную вещь. За такой работой никогда не устанешь. А когда кончу – только была бы жизнь и добродетель – дело найдется».

Он ещё верит, что может заниматься такой деятельностью, от которой никогда не устанет. Лень, она до самой могилы не отстанет, конечно, не будет такой жестокой как в молодости.

«27 декабря 1852 года. Долго спал, стал было писать роман. Офицеры помешали мне. Ездил верхом и, приехавши, читал и писал стихи. Идет довольно легко. Я думаю, что это мне будет очень полезно для образования слога. Я не могу не

работать. Слава богу; но литература пустяки; и мне хотелось бы писать здесь устав и план хозяйства».

Пишется тяжело и появилось желание отдохнуть от литературных пустяков. Желание бросать начатое у Толстого останется на всю жизнь. Когда писал «Анну Каренину», появлялось желание бросить её: то же самое с «Воскресением».

«15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22 мая 1853 года. Бросил рассказ и пишу “Отрочество” с такой же охотой, как писал “Детство”. Надеюсь, что будет так же хорошо. Долги мои все заплачены. Литературное поприще открыто мне блестящее; чин должен получить. Молод и умен. Чего, кажется, желать. Надо трудиться и воздерживаться, и я могу быть еще очень счастлив».

Забыл, что «Детство» ему опротивело до крайности.

Ленивый человек никогда не привыкнет к труду. Всю жизнь будет работать через силу и мечтать о счастье.

«23 июля 1853 года. Переписал первую главу порядочно. Был у Маши недолго. Труд, труд! Как я чувствую себя счастливым, когда тружусь».

Забыл написать, что перед трудом немного поленился, и поэтому счастлив.

«26 августа 1853 года. Железноводск. Ничего не делал. Решился бросить “Отрочество”, а продолжать роман и писать рассказы Кавказские. Причина моей лени та, что я не могу писать с увлечением... Жалко бросать Отрочество, но что делать? Лучше не докончить дело, чем продолжать делать дурно».

«10 сентября 1853 года. Пятигорск. Ничего не делал, болтал с Машей, делал планы о жизни всем вместе в Москве. Лень и сознание лени страшно мучают меня. Завтра буду работать хоть гадость; но только, чтобы быть довольным собой, а то жизнь с постоянным раскаянием – мука!»

Это не лень, а тщеславие мучает Толстого. Тщеславие Толстому спокойно жить не даст. Ленив и поэтому не может писать легко с увлечением, а не наоборот.

«22 октября 1853 года... “Отрочество” опротивело мне до последней степени. Завтра надеюсь кончить».

Тщеславие заставляет его работать, но лень сопротивляется, упирается из последних сил.

«23 октября 1853 года. ... Я берусь за свою тетрадь “Отрочества” с каким-то безнадежным отвращением, как работник, принужденный трудиться над вещью, которая, по его мнению, бесполезна и никуда не годна. Работа идет неаккуратно, вяло и лениво».

Эта борьба тщеславия с ленью впоследствии покажется Толстому каторгой.

«26 октября 1853 года. ... Надо привыкать всегда и во всем писать четко и ясно, а то часто бессознательно неясность или неверность мысли скрадываешь от самого себя неестественными оборотами, помарушками и размахами».

Л. Н. Толстой писал: «... в искусстве простота, краткость и ясность есть высшее совершенство формы искусства».

Толстой тоже писал просто, кратко и ясно, но только тогда, когда у него было вдохновение. Конечно, до Юлия Цезаря с его знаменитым: «пришёл, увидел, победил» Толстому далеко.

«5 ноября 1853 года. ... Я совершенно убежден, что я должен приобрести славу...»

Сам писал, что тщеславие испортило лучшие годы, а теперь хочет, чтобы оно испортило ему всю оставшуюся жизнь. Задал бы себе вопрос: «зачем нужна слава?» Но тщеславие не даст беспристрастно подумать над этим вопросом.

«2 декабря 1853 года. ... Я решился, окончив “Отрочество”, писать теперь небольшие рассказы, настолько короткие, чтобы я сразу мог обдумать их, и настолько

высокого и *полезного* содержания, чтобы они не могли наскучить и опротиветь мне. Кроме того, по вечерам буду письменно составлять план большого романа и набрасывать некоторые сцены из него».

Хочет писать большой роман потихоньку, исподтишка, но тщеславие не позволит Толстому валять дурака.

«21 января 1854 года. Галюгаевская. ... Вот факт, который надо вспоминать почаще. Теккерей 30 лет собирался написать свой первый роман, а Александр Дюма пишет по два в неделю».

С Теккереем он что-то напутал, да и Дюма не мог писать по два романа в неделю. Дюма очень хорошо умеет переливать из пустого в порожнее. У таких писателей, как кто-то хорошо выразился: «понос слов и запор мыслей».

Из дневника:

«2, 3, 4 марта 1855 года. Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле. Привести эту мысль в исполнение я понимаю, что могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать мысль эту следующему, и когда-нибудь фанатизм или разум приведут ее в исполнение. Действовать *сознательно* к соединению людей с религией, вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня».

Лень подкинула Толстому хорошую мысль: основать новую религию, чтобы не заниматься тяжёлым писательским трудом, но тщеславие закинуло эту мысль на задворки бессознательного мышления. После того как Толстой станет всемирно известным, и тщеславие умерит свой аппетит: Толстой вернётся к этой идее. Сейчас бросить писать невозможно: надо зарабатывать деньги.

«6 июля 1855 года. Надеюсь, что нынче последний день праздности, в которой я провел всю неделю. Нынче целый день читал какой-то нелепый роман Бальзака и только теперь взял перо в руки. *Мысли*: Писать дневник офицера в Севастополе – различные стороны, фазы и моменты военной жизни. И печатать его в какой-нибудь газете. Я думаю остановиться на этой мысли, хотя главное мое занятие должно быть “Юность” и “Молодость”, но это для денег, практики слога и разнообразия. *Упреки*: 1) Лень, 2) раздражительность.

8 июля. Здоровье очень худо, и не могу работать. Ровно ничего не делал. Мне нужно собирать деньги, 1) чтоб заплатить долги, 2) чтоб выкупить имение и иметь возможность отпустить на волю крестьян».

Роман Бальзака «Лилия долины», написанный в стиле Жорж Санд.

Из «Исповеди»:

«Двадцати шести лет я приехал после войны в Петербург и сошелся с писателями. Меня приняли как своего, лстили мне. И не успел я оглянуться, как сословные писательские взгляды на жизнь тех людей, с которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мне все мои прежние попытки сделаться лучше. Взгляды эти под распущенность моей жизни подставили теорию, которая ее оправдывала».

Когда Толстой приехал в Петербург, Тургенев уговорил его жить у себя.

П. В. Анненкову Тургенев писал 9 декабря: «Вообразите: вот уже более двух недель у меня живет Толстой (Л. Н. Т.) – и что бы я дал, чтобы увидеть вас обоих вместе! Вы не можете себе представить, что это за милый и замечательный человек – хоть он за дикую рьяность и упорство буйволообразное получил от

меня название Троглодита. Я его полюбил каким-то странным чувством, похожим на отеческое».

Посмотрим, что пишут другие, а то можно подумать, что нехорошие писатели сбили мальчонку с пути истинного.

14 декабря Дружинин пишет в дневнике: «Тургенев в великом озлоблении на башибузука за его мотовство и нравственное безобразие».

Тургенев рассказывал Фету: «Вернулся из Севастополя с батареи, остановился у меня и пустился во все тяжкие. Кутежи, цыгане и карты во всю ночь; а затем до двух часов спит как убитый. Старался удерживать его, но теперь махнул рукой».

Если бы не было опыта в кутежах и карточных играх, он бы так быстро не усвоил сословные писательские взгляды.

Тщеславие позволило молодому Толстому немного расслабиться, а потом сказало: «Стоп! Мы не за этим сюда приехали. Мы приехали набираться уму-разуму».

Приехав из Севастополя в Петербург, Толстой кроме Тургенева близко сошёлся с Дружининым, Боткиным, Анненковым: он называл их «бесценным триумvirатом». Все трое – Дружинин, Боткин, Анненков были сторонниками чистого, свободного искусства: то есть искусства для искусства.

Из письма к брату Сергею.

«1857 г. Января 2. Петербург.»

Я провел здесь 2 месяца очень хорошо, хотя почти никуда не ездил, а много виделся с литературными друзьями, много читал, слушал музыки и писал первый месяц. Но для меня всего надо понемножку, хотя я душевно люблю этих литературных друзей: Боткина, Анненкова и Дружинина, но все умные разговоры уже становятся скучны мне, хотя и были истинно полезны для меня».

Здесь Лев Николаевич глубоко заблуждается в том, что разговоры были умные, и в том, что были полезны для него.

Эти разговоры сбили его с истинного пути, на котором он инстинктивно правильно стоял в начале своей творческой деятельности до поездки в Петербург.

В Петербурге после продолжительных дружеских бесед он пришёл к мысли: «Всё то, на что нужно негодовать, лучше обходить».

Из дневника:

«13 ноября 1856 года. Встал в 11-м, писал второе явление комедии, на гимнастику, там мальчик-аристократ, в 4-м часу к Дружинину, там Гончаров, Анненков, все мне противны, особенно Дружинин, и противны за то, что мне хочется любить, дружбы, а они не в состоянии».

Толстой писал обличительную комедию про эмансипированную женщину и нигилиста.

Ему хочется, чтобы Дружинин стал ему лучшим другом.

Толстой искал себе друга, казалось, находил, но потом разочаровывался в этом человеке.

Человеку, у которого есть настоящие друзья, никогда не придут в голову глупые мысли о самоубийстве и о бессмысленности своего существования.

Для общения с друзьями надо много свободного времени, а тщеславие не позволит Толстому тратить время на пустопорожнюю болтовню с друзьями.

Из дневника:

«11 марта 1865 года. Был Дьяков, день пропал, но я ему был рад».

И какая это радость, когда сидит как на иголках и думает, что день пропал.

Дьяков прекрасно видел, что он мешает Толстому заниматься своими делами, и поэтому решил реже ездить к нему в гости.

Из дневника.

«2, 3 ноября 1853 года. ... Почти всякий раз при встрече с новым человеком я испытываю тяжелое чувство разочарования. Воображаю себе его таким, каков я, и изучаю его, прикидывая на эту мерку. Раз навсегда надо привыкнуть к мысли, что я исключение, что или я обогнал свой век, или – одна из тех несообразных неуживчивых натур, которые никогда не бывают довольны. Нужно взять другую мерку (ниже моей) и на нее мерять людей. Я реже буду ошибаться».

От обличительного направления Толстой сразу же отказался, как только начал писать.

«1 декабря 1852 года. Писал целый день описание войны. Все сатирическое не нравится мне, а так как все было в сатирическом духе, то все нужно переделывать».

«3 декабря 1852 года. Писал много. Кажется, будет хорошо. И без сатиры. Какое-то внутреннее чувство сильно говорит против сатиры. Мне даже неприятно описывать дурные стороны целого класса людей, не только личности».

Толстой почему-то решил, что ему надо выбирать между чистым искусством или обличительным направлением. И он, даже не задумываясь об этом, под влиянием приятных разговоров стал сторонником чистого искусства. Ему со временем пришла в голову мысль, что в искусстве не может что-то одно уничтожать другое: в искусстве могут существовать рядом и лирическая поэзия, и сатирическая проза, а также сатирическая поэзия и лирическая проза.

Толстой долго ещё не мог отделаться от идей чистого искусства, впитанных им на бессознательном уровне.

Окончание следует.

В декабре 2023 года отмечают:

90-летие

Ерназар Розметов, *поэт*

80-летие

Алтыншаш Жаганова, *прозаик*

70-летие

Арасанбай Естен, *прозаик*

Бекет Карашин, *поэт, переводчик*

Темирхан Момбекулы, *прозаик*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

